

Философские основы русского национального социализма

Акулов Валентин Леонидович

доктор философских наук, профессор (г. Минск, Беларусь)

В статье анализируется идеология русского национального социализма, ее субъективная мотивация и объективные основания.

The article analyzes the ideology of the Russian national socialism, its subjective motivation and objective basis.

Факт, многократно засвидетельствованный историей, отраженный в императиве науки: будучи частью природы, человек не может творить историю по своему собственному произволу, исходя из своих субъективных интересов, желаний и предпочтений. Его деятельность продуктивна и эффективна лишь в том случае, если она соотносится с объективными законами самого бытия. Поэтому любая идеология как субъективно выражающая взгляды, ценности и ценностные ориентации социальных общностей должна иметь объективную основу, т. е. соответствовать имманентной логике самого исторического процесса. Проще говоря, должна носить научный характер. Несоблюдение этого необходимого условия превращает идеологию в утопию, попытки реализации которой могут иметь, в лучшем случае, нулевой результат, в худшем — разрушение общества.

Почему мировая социалистическая система, казалось бы, уже прочно утвердившаяся в мире и двигавшаяся к своему триумфу, потерпела в конечном счете фиаско? Тут можно было бы назвать тысячу причин, и каждая из них имела бы свой смысл, свое *ratio*. Однако если не порхать мотыльком по поверхности явлений, а заглянуть в суть дела, тут же обнаружится: глубинная причина заключалась в том, что идеология социализма в том ее содержании, какое придали ей Маркс и, особенно, «творчески развил» Ленин, во многом оказалась противоречащей законам мирового общественного развития. Тот же результат будет иметь и идеология глобализации, настырно навязываемая человечеству «мировой закулисой» (Ильин). Ибо, при всем их очевидном различии, по большому счету, это даже не две доктрины, а две ипостаси одной и той же доктрины, страдающие одним и тем же органическим пороком: стремлением подогнать человечество под одну

колодку. Однако природа не любит не только «пустоты», она не любит и единообразия. И никакие «саммиты», никакой «интернационал» и никакое «мировое правительство» не в состоянии ничего здесь изменить. Это не только теоретический концепт, но и эмпирический факт. Скажем, один человек тождественен другому человеку — и тот, и другой принадлежат к одному и тому же биологическому виду. Но попробуйте обнаружить двух абсолютно одинаковых людей.

Французский мыслитель Рене Декарт как-то заметил, что уровень философской культуры есть свидетельство цивилизованности общества. И никакого преувеличения тут нет. Особая роль философии в жизнедеятельности общества определяется самим предметом ее исследования как науки, а следовательно, ее содержанием и теми функциями, которые она выполняет в системе научного знания, в реальном процессе общественного развития.

Человеческая деятельность как способ существования общества, как средство реализации человеческой истории имеет свою внутреннюю логику. Она, деятельность, во первых, должна иметь четко осознаваемую цель, ибо как таковая не несет цели в себе, не является самоцелью, деятельностью ради самой деятельности. Во вторых, должна иметь в наличии необходимые средства, ведущие к ее реализации. Если эти средства окажутся неадекватными, цель останется не реализованной.

Как особая наука философия призвана дать цельную картину мира, определить место человека в этом мире и тем сориентировать его поведение в нем. То есть, в отличие от других наук, имеющими дело с различными частями (сторонами, аспектами) бытия, философия имеет своим предметом бытие как таковое, бытие как единое

целое, всеобщие закономерности, которым оно подчинено в своем существовании и развитии. Поскольку же для решения этой задачи требуется соответствующий логический инструментарий, то отсюда и другая задача философии, органически вытекающая из первой: вооружить человека искомым инструментарием. Решение этих задач и реализуется в функциях философии — мировоззренческой и общеметодологической (логической).

Откуда же берет философия тот логический инструментарий, с помощью которого она осмысливает мир и исследует его законы? Да и нужно ли его еще откуда-то «брать»? Разве каждый не «сам с усами» и разве не у каждого «ума палата»? Разве человек не рождается с уже готовой способностью мыслить? Конечно, любой человек обладает мышлением. Вопрос лишь в том, каким мышлением он обладает и откуда эта способность взялась? Увы, она не дана человеку априори, не заложена в нем изначально. Мышление человека — продукт длительного исторического развития. Никакими своими собственными, присутствующими только ему, законами мышление не обладает. Законы, по которым мы мыслим, это законы бытия, которые мы, познав, превратили в законы нашего мышления. То есть мы «умны» в той мере, в какой познали законы бытия, и «глупы» в той мере, в какой не познали их. Поэтому отношение между законами бытия и мышления носит противоречивый характер — они и тождественны, и различны, совпадают и не совпадают. Разрешение и постоянное воспроизведение этого противоречия и есть глубинный источник нашего познания. Но это как раз и означает, что искусство мыслить — это великое искусство, которому необходимо учиться.

В мою задачу не входит развивать здесь эту тему. И обращаюсь я к ней только лишь потому, что эти элементарные, апробированные многовековой историей развития философии истины оказываются неподъемны для современного философского постмодернизма. Возьмите любой вышедший в последние десятилетия учебник по философии и вы прочтете: философия в ее классической форме безнадежно устарела, ее предмет радикально изменился и задачей является отныне «рефлектирование над основаниями культуры». Как, с помощью какого логического инструментария эти нанофилософы намерены «рефлектировать над культурой» — такого вопроса им даже в голову не приходит. Стоит ли после этого удивляться, что философия выродилась в претенциозное пустозвонство, в продуцирование «симулякров», терминологических пустышек, ли-

шенных какого бы то ни было реального содержания. Зато этот дремучий непрофессионализм, отсутствие элементарной философской культуры с лихвой компенсируются лавинообразным потоком докторов и кандидатов философских наук, которые по своей численности уже превосходили количество Народных артистов России и скоро превзойдут количество эстрадных копильников. Как пример. Философия, уверяют нас, не наука. Но если это так, если философия не наука, то на каком основании ты, мыслитель, напялил на себя степень доктора философских наук? Такая вот высокоученая шизофрения. Так называемое «экспертное сообщество» под стать нынешним постмодернистским «мудрецам». Я как-то уже писал, что не смотрю ни Жванецкого, ни Хазанова — пошло, плоско, пресно, как еврейская маца. Зато не упускаю случая посмотреть посиделки «экспертов», организуемых телевизионными каналами по случаю тех или иных политических событий. Сколько неподдельного, живого юмора!

Оставим, однако, наших баранов и обратимся к означенной теме. Как было сказано, идеология — это система взглядов, ценностей и ценностных ориентаций, выражающих фундаментальные, стратегические интересы социальных общностей: наций, сословий, классов и т. д. По своей мотивации идеология носит, таким образом, субъективный характер. И этот ее субъективный характер очевиден. Каждая социальная группа имеет свои интересы, свои потребности, которые пытается обосновать, отстоять и реализовать. Имеет свою мотивацию и русский национальный социализм. Есть русская нация и есть ее национальные интересы. Есть люди, принадлежащие к этой нации, стремящиеся сохранить свою национальную идентичность, создав условия для сохранения и процветания нации, частью которой они являются. Люди, для которых нация есть высшая ценность. Все это совершенно естественно.

Однако одной только субъективной мотивации совершенно недостаточно. Вопрос заключается в том, можно ли и как реализовать эти идеологические установки. Имеются ли к тому объективные основания? Иными словами, соответствуют ли они объективным тенденциям мирового процесса или противоречат им? Только ли это «состояние души» или жизненная необходимость? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо, видимо, обратиться к самим этим объективным тенденциям.

Современный политический бомонд и обслуживающая его интеллектуальная жакерия уверяют, что особенностью современного развития является глобализация мира, несовместимая с

архаическим национализмом. Давайте все-таки уточним понятия. Что мыслится под глобализацией? Если под глобализацией понимать процесс консолидации мирового сообщества, детерминированный развитием науки и техники, усложнением системы общественных взаимосвязей — экономических, политических, духовных, то это вовсе не особенность современного этапа мирового развития. Человечество движется по этому пути на протяжении всей своей истории. В этом своем содержании идея глобализации, таким образом, ничего нового в себе не содержит. Коробейники идеологии глобализации просто плохо знают историю. Отсюда, однако, не следует, что что-то другое они знают лучше.

Все дело в том, однако, что ее адепты вкладывают в идею глобализации иной смысл. Под глобализацией они понимают в сущности унификацию. Унификацию в экономике, политике, культуре. В такой трактовке идеология глобализации не только антинаучна, т. е. противоречит объективным законам бытия, но и глубоко реакционна политически. Ибо отражает не реальный исторический процесс, а всего лишь шкурные интересы мирового спекулятивно-ростовщического кагала, пытающегося диктовать миру свои нормы поведения. Путь унификации человечества — это путь, ведущий человечество к деградации, дорога в небытие. Социальная энтропия так же противоестественна, как и энтропия в природе. Она лишает систему внутреннего источника развития и тем обрекает на смерть.

Факты свидетельствуют, что современная цивилизация развивается во взаимодействии двух противоречивых тенденций — глобализации и национализации. Для философского мышления удивительного в том ничего нет. Мир вообще существует в форме противоречия всеобщего и единичного. Да, мир един и подчинен всеобщим, универсальным законам. Но это тождество не абстрактное, как мыслит его себе формальная логика, а конкретное, диалектическое, включающее как необходимую свою сторону различие. Мир един, ибо нет в этом мире ничего, кроме материи. Но в то же время и бесконечно многообразен, ибо материя существует не иначе, как в многообразии различных материальных систем. Идвоя философским языком, мир есть тождество многообразия и многообразие тождества. Социальный мир как часть мира природы подчинен этой же закономерности. Мировое сообщество — это не логическая абстракция, это реальность. Но эта реальность — не некое подобие Соляриса Станислава Лема. Она структурирована на различные человеческие общности и только в такой форме суще-

ствует и может существовать. Указанные две тенденции и являют собой частный случай этой общей закономерности. История человечества дает тому неопровержимые доказательства. Мне нет необходимости приводить аргументы — каждый при желании может привести их сколько угодно.

Впрочем, для этого совсем не обязательно совершать экскурсии в историю. Не менее доказательна современность. Сколько интеллектуального пороку было истрачено, сколько усилий приложено, чтобы убедить человечество в благодатности «общечеловеческих ценностей», «демократических стандартов» и прочей мышееды. И каков результат? А никакой. Ну не желает человечество облекаться в униформу. Подлинный бум национализма переживает Латинская Америка. Растет и крепнет национализм в Африке и Азии. Идея мультикультурности приказала долго жить. Каждый народ стремится обустроить свой государственный дом по-своему, в соответствии со своими интересами и национальными традициями. Даже уже сколоченный единый европейский дурдом, куда М. Горбачев приглашал нас поселиться, расплзается по швам. Президент Чехии недавно вполне «политкорректно» дал понять, что его страна не намерена во имя Евросоюза жертвовать своим национально государственным суверенитетом. Можно ли сомневаться, что президент Чехии не останется в одиночестве? Но если даже чиновники заговорили языком националистов, то что думает по этому поводу народ, который оные чиновники давно разучились о чем-либо спрашивать? И чем может обернуться попытка насильственно глобализовать мир в той форме, в какой желали бы это сделать мудрецы из Римского и Бильдербергского клубов, Трехсторонней комиссии и прочих мондиалистских гадюшников? Еще раз оговорюсь, что речь веду не о глобализации как таковой, от которой человечеству никуда не деться. Речь о той форме, которую сшили для нее портняжки из спекулятивно-ростовщических контор.

Нужно быть интеллектуально глухим и политически незрячим, чтобы не видеть очевидного: национализм — течение отнюдь не маргинальное, обретающееся где-то на задворках общественного сознания и реальной политики, каковым его желали бы представить «общечеловеки», а идеология (и политическое течение), субъективно отражающее одну из сторон (тенденций) объективного мирового исторического процесса. В этом своем качестве он не менее закономерен и эвристически плодотворен, нежели глобализм. Для первого случая для меня этого вполне достаточно. В какой форме реализует себя в мире эта диалек-

тика национального и интернационального, сказать не берусь — я не Кассандра, не Нострадамус и даже не уличная цыганка. Да и интересует меня не национализм вообще, а русский национал-социализм.

И в этой связи мне вновь придется возразиться к марксизму. Не только потому, что как социалистические идеологии они имеют много общего. Не только потому, что, как я уже писал, ничего лучшего по глубине теоретического осмысления социальной реальности общественная наука предложить пока не смогла и, следовательно, задача национал-социализма заключается не в том, чтобы отбросить марксизм, а чтобы, как сказал бы Гегель, «снять» его, т. е. сохранить все ценное, что в нем содержится. Причина в другом: по поводу марксизма говорится и пишется много такого, что к марксизму не имеет ни малейшего отношения. Например, можно прочесть: *«Является ли национал-социализм разновидностью марксистского, коммунистического? Нет. Поскольку при коммунистической форме распределения любой бездельник оказывается в привилегированном положении»* [2]. Позволительно было бы спросить автора: у какого Маркса он все это вычитал? Карл Маркс ничего подобного не писал и писать не мог. Основной экономический принцип социализма сформулирован им так: «От каждого по способности, каждому по труду». И этот принцип не только совместим с русским национал-социализмом, это и его собственный экономический принцип. Автор, видимо, имеет в виду ту практику, которая существовала в СССР, в особенности — в послесталинские времена. Но причем тут Маркс? Претензии не по адресу.

Дальше — больше. Автор предлагает ликвидировать классовую борьбу и, сохраняя «крупный бизнес», поставить его «на службу нации». И вновь вопрос: как умудряется он удерживать в голове два взаимоисключающие друг друга положения: уничтожение классовой борьбы и сохранение «крупного бизнеса»? Заставить «крупный бизнес» работать на нацию — из области фантастики. Крупный бизнес ориентирован на прибыль. Он пойдет туда, где норма прибыли выше. И плевать ему на нацию и национальные интересы. Документально засвидетельствовано: во время Первой мировой войны «крупный бизнес» стран Антанты окольным путем, через нейтралов, снабжал Германию стратегическими материалами, необходимыми ей для производства оружия. То есть был соучастником убийства собственных граждан. Автор может этого не знать. Но кинофильм «Семнадцать мгновений весны» он, конечно, смотрел. Обратил ли внимание на

реплику Вилли Шварцкопфа, что немецкие фирмы даже во время войны не прерывали сотрудничества с некоторыми фирмами антигитлеровской коалиции? Оберфюрер Шварцкопф говорил сущую правду. Российской прокуратуре следовало бы давно заинтересоваться, какую роль сыграли наши «эффективные собственники» в деле вооружения чеченских боевиков. Не на полях же боевых действий они обзаводились оружием. Но это, конечно, более обременительно, чем отлавливать «русских фашистов».

Бизнес, поскольку он ориентирован на прибыль и только прибыль, космополитичен по самой своей сути. Во имя прибыли он пойдет на все, не исключая торговлю национальными интересами. Иным он быть просто не может. И, как гласит народная мудрость, черного кобеля не отмоешь до бела. Над автором, видимо, довлеет опыт немецкого национал-социализма (гитлеризма). Однако давно и не мной было замечено, что в немецком национал-социализме, кроме названия, социалистического по сути мало что было. Эта была жестко организованная система, созданная для ведения войны. Да, Гитлер заставил «крупный бизнес» работать на нацию. Но то же самое сделали Черчилль в Великобритании и Рузвельт в США, хотя не о каком национал-социализме они не говорили и не мечтали.

Русский национал-социализм действительно не является разновидностью марксистского. Это разные формы социализма, в чем-то тождественные, в чем-то принципиально несовместимые. В этом «чем-то» и все дело. Что объединяет русский национал-социализм с марксизмом? Прежде всего, научный подход к идеологии социализма. Русский национал-социализм всецело разделяет вывод Маркса, что социализм «не выдумка мечтателей», а закономерная ступень в развитии общества, детерминированная объективной логикой материального производства. В рамках сложившейся при капитализме системы экономических отношений производство далее развиваться не может, а, следовательно, ставит под угрозу само существование человеческой цивилизации. Экономика капитализма служит ныне не целям создания материальных условий жизни общества, а целям извлечения прибыли любой ценой, не считаясь ни с какими цивилизационными издержками. Достаточно сослаться на то, как капиталистический мир реагирует на вполне реальную экологическую катастрофу, которую ожидает наша планета. Думаю, факты мне приводить не надо — они и на виду, и на слуху. Поэтому замена частной собственности на средства производства общественной является объективной не-

обходимостью. В прежней форме экономическая система не только антигуманна, не только неэффективна, она просто разрушительна. Экономика из реальной превратилась во многом в виртуальную, вращающуюся в порочном кругу финансовых спекуляций. Глобальный кризис, терзающий экономику современного капитализма, бесполезность лекарств, предлагаемых «мировыми лидерами» для ее лечения, — нужны ли еще какие-то иные тому доказательства?

Именно поэтому идеология русского национализма — это идеология социалистическая. Вне организации экономики на принципах социализма сохранить Россию и русский народ уже невозможно. Таково его *credo*. Но здесь, видимо, необходимо внести ясность в ряд вопросов, вызывающих разногласия. Некоторые русские националисты весьма болезненно воспринимают идею ликвидации классов и фатальность борьбы между ними при их сохранении. Что тут сказать? Не смешивают ли они классовую структуру общества с общественной структуризацией? Структуризация общества связана с разделением труда и «ликвидировать» ее невозможно в принципе. Иное дело классовое деление общества. Оно связано не просто с разделением труда. Каков существенный признак, лежащий в основе разделения общества на классы? Таковым является, согласно марксизму, отношение к средствам производства — является ли человек частным собственником или нет. Это верно, но этого недостаточно. Вопрос еще и в том, как, для какой цели человек эту собственность использует. Сплошь и рядом слышим: собственник — трудяга, тратит много умственной и физической энергии, поэтому его деятельность эффективна. Но ведь дело не только в физических и умственных затратах как таковых. Вор-медвежатник, вскрывая сейф, видимо, тоже обливается потом. Назовем ли мы его трудолюбом? Когда мы говорим о труде, имеется в виду общественно необходимый труд, труд как условие существования общества. Труд капиталиста направлен на извлечение прибыли. Она является источником его личного обогащения за счет эксплуатации чужого труда. И не только отдельного человека, но и общества в целом. Разве собственность нынешних российских олигархов не есть овеществленный труд старших поколений?

Если бы, владея собственностью, капиталист оплачивал труд рабочего эквивалентно создаваемой им стоимости, никаким эксплуататором он не был бы. Поэтому русский национал-социализм ликвидирует частную собственность не потому, что она частная, а потому, что является источ-

ником социального паразитизма. Я спрашиваю: разве социальный паразитизм является идеалом русского национал-социализма?

Что касается формы труда, то бога ради, занимайся чем угодно — хоть производством, хоть его организацией. В зависимости от твоих способностей и склонностей. Лишь бы это труд был общественно необходим. Скажем, в Московской Руси дружинник князя наделялся землей вместе с обрабатывавшими ее крестьянами. Был ли он эксплуататором? Нет, здесь мы имеем дело просто с разделением труда: дружинник обязан был защищать Русь от врагов, крестьянин — его содержать. И каждый на своем месте нес «государеву», т. е. государственную, службу. Эта система была сломлена «великим Петром», превратившим дворянство в класс социальных паразитов. Петр III своим указом «О вольности дворянства» завершил лишь то, что было начато Петром I. И если уж на то пошло, то истинным виновником революции в России были вовсе не большевики и даже не фигуляр Керенский со товарищи — они были всего лишь исполнителями. Истинным виновником была российская аристократия. Именно она подготовила ее своим классовым эгоизмом.

Частная собственность как таковая является причиной классовой борьбы потому и в той мере, в какой она является источником эксплуатации и рассадником социального паразитизма. И она не устранима, пока классы существуют. Думать иначе, значит ходить не по грешной земле, а витать в заоблачных эмпиреях. Заставить «крупный бизнес» служить нации, о чем грезят некоторые русские национал-социалисты, значит проявлять крайнюю степень политической слепоты. С таким же успехом вы можете заставить волка сменить диету — с животной перейти на вегетарианскую. Или Абрамовича вкладывать деньги не в зарубежные спортивные клубы, яхты, старинные зарубежные аристократические дворцы, а хотя бы в строительство и содержание больниц в России. Недавно Путин сурово предупредил: если ты гражданин России, то должен держать капитал в России, а не за рубежом. Вот уж не подумал бы, что кадровый разведчик может быть столь наивен. Во избежание недоразумений специально оговорюсь, что, ведя речь о «бизнесе», я имею в виду класс, а не отдельных его представителей, которые, конечно же, не делают и не могут делать погоды.

В чем русский национализм принципиально противостоит марксизму? Оставляя в стороне частности, скажу о главном. Марксизм совершенно прав, рассматривая нацию как истори-

ческий продукт. Как особая историческая общность нация появляется лишь на определенном этапе общественного развития, сменив такие ее формы, как род и племя. Но он глубоко ошибается, связывая судьбу наций с капитализмом и его исторической судьбой. Согласно марксизму, нации формируются только с установлением капиталистических отношений (именно поэтому он и ввел в научный оборот понятие народности, которая в сущности ничем не отличается от нации) и «отомрут» вместе с переходом общества к социалистической формации. Логика Маркса понятна. Если социализм может победить лишь во всемирном масштабе — а именно такова точка зрения Маркса, сохранение нации как особой человеческой общности теряет смысл. Все системообразующие признаки нации — национальная территория, собственная экономика, культура, традиции и т. д. исчезнут, а вместе с ними уйдет в небытие и нация. Человечество организуется в единую мировую систему, основанную на принципах всечеловечности (интернационализма).

Однако такая позиция противоречит объективной логике бытия. Как было сказано выше, мир реально существует лишь в форме противоречия всеобщего и единичного, общего и особенного. Лишая его этого противоречия, мы превращаем понятие мир в пустую мыслимую абстракцию. Можно гадать и спорить, в какой форме реализуется эта диалектика в будущем человечества. Одно не подлежит сомнению: оно, человечество, не превратится в некую аморфную социомассу, как это следует из логики Маркса. Логика идеологии, если она претендует на научность, не может противоречить объективной логике бытия. Не случайно позиция Маркса стала подлинной головной болью для его последователей. Они, в частности, вопреки Марксу, вынуждены были ввести в научный оборот понятие «социалистической нации», отличив ее от нации «капиталистической». Измыслили «советский народ» как новую историческую общность, которая испарилась вместе с исчезновением Идеологического отдела ЦК КПСС.

Повторяю: гадание на кофейной гуще не входит в методологический арсенал ученого. Спорить о том, сохранится ли в будущем национальная стратификация общества или нет — дело пустое, схоластическое. Как политики мы должны исходить из фактов и опираться на факты. Факты же говорят о том, что на современном уровне развития цивилизации человечество существует и может существовать лишь в форме наций. Поэтому и социализм реально может существовать се-

годня только в форме национального социализма. Впрочем, если уж вступать в область прогнозов, необходимо учесть, что нации имеют не только социальную, но и биологическую (расово-этническую) компоненту. А биологическое (природное) менее всего подвержено человеческому регулированию. И если будущее мировое сообщество будет структурировано — а иначе существовать оно просто не сможет, то нации как форме человеческой общности уготована долгая жизнь. Можно, конечно, скрестить мерина с ослицей. Вот только в результате родится мул — несчастное существо, лишенное основной функции живого, функции продолжения вида.

Следующее принципиальное отличие русского национал-социализма от марксизма состоит во взглядах на сущность государства и его будущее. Согласно марксизму, государство возникает вместе с возникновением классов, являясь продуктом классовых противоречий. С появлением частной собственности общество поляризуется на класс имущих и неимущих, а вместе этим возникает и возможность эксплуатации одного класса другим. Дабы эта возможность перешла в действительность, «потребовался особый орган, который узаконил бы право имущего класса на эксплуатацию неимущего и господство первого над последним. И такое учреждение явилось. Было изобретено государство» [1, с. 163].

Здесь допущены две ошибки. Во-первых, общественная дифференциация редуцирована до деления общества на классы. Во вторых, государство как форма политической организации самого общества отождествлено с органами управления государством (государственной властью). Предвзвешенность, который разделяется всем современным обществоведением — социологией, политологией, теорией государства и права и т. д. Проник он и в документы русского национал-социализма. Об этом свидетельствует, в частности, тезис: не нация для государства, а государство для нации. Государство, таким образом, выносится за пределы нации, как нечто внешнее ей. Корректно (теоретически грамотно) следовало бы сформулировать (если уж есть в том необходимость) так: не нация (народ) для власти, а власть для нации (народа). Отождествление государства с органами его управления отнюдь не безобидно. Оно тянет за собой целый шлейф весьма пагубных для общества последствий. Именно оно превратило политику как важнейшую сферу человеческой деятельности в «политические технологии», служащие целям удержания власти. Об этом я уже неоднократно писал, но, к сожалению, все впустую.

Увы, предрассудок слишком глубоко проник в общественное сознание.

Вопреки марксизму, истинная причина возникновения государства такова. С процессом разделения труда, появлением различных социальных групп (и не только классов) с их особыми групповыми интересами отношения между людьми достигают такой степени многообразия и сложности, что их стало уже невозможно регулировать с помощью старых методов родоплеменной организации. Необходимо возникает новый тип самоорганизации общества — государство, суть которого состоит в том, что это форма политической самоорганизации, т. е. организации, основанной на взаимно взятых гражданами на себя обязательствах и вытекающих из этих обязательств правах, закрепленных в системе законодательства. То есть государство — это не система власти. Это система гражданского общества. Народ, самоорганизовавшийся для совместной жизни. Это политическая форма самоорганизации народа. Не следует только примитивизировать: собрались-де дикари, пустили по кругу трубку и заключили между собой «общественный договор». Род превратился в государство, а дикари — из дикарей в граждан. Формирование государственной формы организации общества — это процесс, протекавший во времени. Марксизм прав: класс собственников использует государственные механизмы в целях своего господства. Но зачем же смешивать сущность объекта с его функциями. Объект может выполнять разные, в том числе и совершенно не свойственные ему функции. Вон г-н Сердюков выполняет функцию министра обороны, хотя в военном деле смыслит ровно столько, сколько я в хиромантии и любовной магии.

Я суммирую:

1) поскольку человечество реально существует и может существовать только в структурированной форме и поскольку доминантным элементом такой структуризации является сегодня нация, постольку идеологией русского народа (нации) может быть только идеология национальная;

2) отношение государства и нации — это не отношение двух реальностей Их отношение — отношение содержания и формы, где содержание составляет этнос (нация), форму — государство. Нет нации вне государства и государства вне нации. Поэтому идеологией русского народа может быть не пресловутый «плюрализм», а только национально-государственная идеология;

3) поскольку органы государственного управления (власть) призваны организовать жизнь в соответствии с волей нации и в ее национальных

интересах, постольку власть в русском государстве может быть только русской национальной властью. Это отнюдь не исключает, а, напротив, необходимо предполагает представительство в органах государственной власти других коренных народов России;

4) поскольку при современном уровне развития производительных сил общество может обеспечить материальные условия своего бытия лишь при социалистической форме организации материального производства, постольку идеологией русского народа может быть сегодня только социалистическая идеология.

Из сказанного следует, что пропасть, разделяющая русский национальный социализм, с одной стороны, социализм в его марксистско-ленинской версии, национал-демократизм и национал-либерализм — с другой, пролегает не по вопросу экономической системы, государственного устройства или формы государственного правления. Все эти различия между ними, конечно, весьма существенны. Но они производны. Главное состоит в том, что вышеуказанные идеологии фатально ведут к ликвидации государств как национальных образований, т. е. государств с доминированием государствообразующих наций, к социальной энтропии и в конечном счете к деградации и гибели человеческой цивилизации вообще.

Конкретной политической программы русского национал-социализма я здесь касаться не буду. Об этом мне уже доводилось говорить в ряде статей. Хотелось бы лишь еще раз акцентировать внимание на следующем. Россия вполне самодостаточна. Самодостаточна территориально, геополитически, экономически, демографически, научно-технически, интеллектуально. Этим и должна определяться особенность программы русского национал-социализма. Именно этот постулат должен быть положен в ее основу, из него и надо исходить. Не шаря по национал-социалистическим источникам и адресуясь к чужому опыту. Что, впрочем, тоже не бесполезно. Но только как предмет для осмысления, но не подражания. А то ведь может дойти до того, что каждый русский национал-социалист обзаведется усиками и челкой бесноватого немецкого фюрера.

Литература

1. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — М.: ИПЛ, 1960. — Т. 20. — 823 с.
2. hrolv99. Экономическая платформа Русского национал-социализма [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://orden.ws/index.php/component/content/article/37-2008-07-22-09-12-07/774-hrolv99->.

Материал поступил
в редакцию 04.10.2012